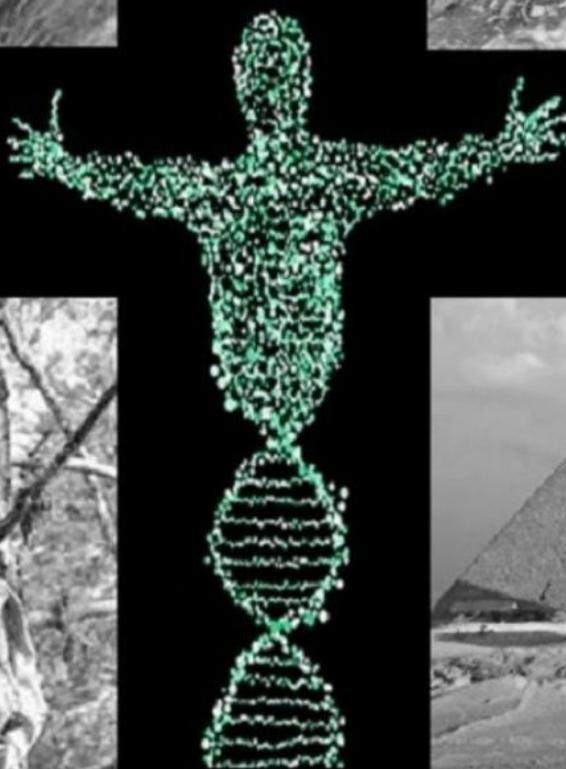


С. РОКОВ

Сумерки НЕВИДИМОГО

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ БОГА – 2



С. РОКОВ

**Сумерки невидимого.
Наследственность Бога – 2**

«Издательские решения»

Роков С.

Сумерки невидимого. Наследственность Бога – 2 / С. Роков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968922-1

Это — продолжение книги «Мой пращур Иисус Христос?», в котором главный герой Игнатов проявляет свои способности в разгадке тайн Аркаима и древней мегалитической цивилизации, участвует в «невозможных» происшествиях. Его особую мистическую роль подтверждает и «сильный» шаман с Русского Севера. Может, действительно, в его геноме сохранилось что-то от Иисуса Христа? Книга описывает реальные события.

ISBN 978-5-44-968922-1

© Роков С.
© Издательские решения

Содержание

НАЙТИ ГЕНЫ ХРИСТА	6
Всё – фигня, кроме пчёл (до того, как ...)	7
И даже пень в апрельский день...	9
Тем временем, в таинственной штаб-квартире	11
В Лондоне. Первые впечатления	13
Международный Центр генетики. Доктор Грэвс	14
Нагинский	16
Вестминстерское аббатство	20
«Кругосветка»	22
У шефа	25
МИРЫ АРКАИМА	28
Загадки без ответов	29
Литейщики Бронзового Века	37
Старый ведьмак и его внук	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сумерки невидимого Наследственность Бога – 2

С. Роков

© С. Роков, 2019

ISBN 978-5-4496-8922-1 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-8923-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это вторая книга из серии «Наследственность Бога».

В первой книге рассказывается о совпадении результатов генетического анализа биологического материала доктора технических наук Игнатова Петра Михайловича с генетическим материалом, найденным недавно на ржавых гвоздях в древнем захоронении Иерусалима, принадлежавшем семейству известного по Евангелиям первосвященника Каиафы, сыгравшего зловещую роль в казни Иисуса Христа. Эти гвозди канадско-израильский учёный и кинодокументалист Симон Якуб объявил гвоздями с распятия Иисуса Христа. Совпадение генетического анализа было таким, будто распят был отец или дед Игнатова.

К Игнатову обратились представители Международного генетического Центра с целью проведения дальнейших исследований Игнатова и его семьи, в надежде обнаружить те гены, которые сделали Иисуса Христа, Тем, Кем Он был.

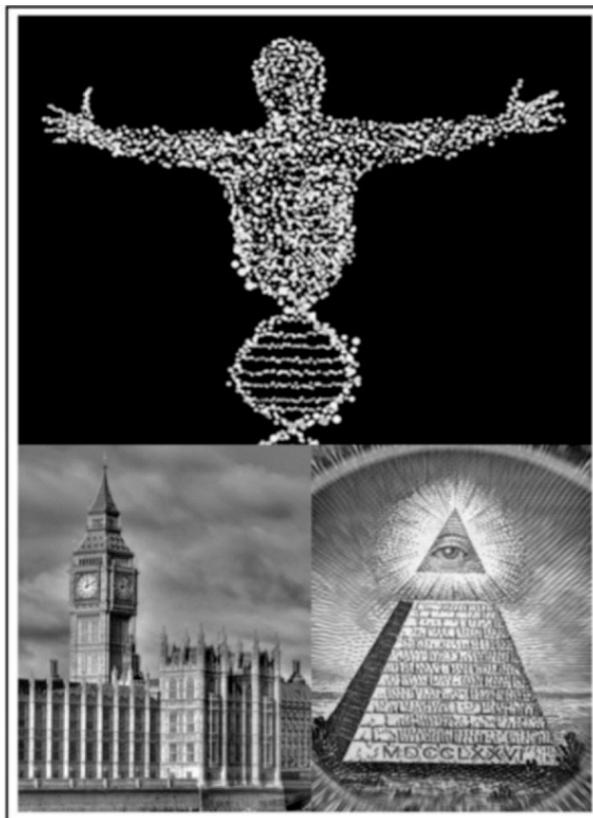
Интерес учёных был подпитан фактами чуждых видений, посещавших иногда Игнатова, и которые он считал божественными Откровениями Всеобщего Разума (Бога).

В предлагаемой книге на сцену выходят некие тайные и могущественные силы, заинтересованные в проведении исследований с Игнатовым. Цели этих сил – далеко идущие и тщательно законспирированные.

В составе экспедиции Международного Генетического Центра Игнатов посетил Аркаим, стойбище «очень сильного шамана» на русском севере, дольмены близ Геленджика. Читатели узнают о новых видениях Игнатова и его приключениях, в которых были раскрыты тайны Аркаима и дольменной цивилизации, приоткрылась завеса тайн Мироустройства.

Содержание книг этой серии основано на реальных событиях.

НАЙТИ ГЕНЫ ХРИСТА



Всё – фигня, кроме пчёл (до того, как ...)

Известно, что все события, одно за другим, нанизываются на верёвку времени подобно баранкам в связке, и каждое событие имеет своей причиной иные события. Причём, совсем не обязательно, что событие является следствием ближайшей соседней «баранки».

Мы же, окружённые мелькающими вокруг нас событиями, частенько не замечаем, не понимаем и даже не интересуемся этой круговертью и тем, какие именно события что вызывают... Идём мы так по жизни, идём... и не думаем – почему ноги переставляются? ... для чего? ... и куда несут они нас? ... Нас всё устраивает, всё хорошо, мы бодры, веселы... Потом «вдруг» начинаем об этом думать. Но и это «вдруг» есть отдельное событие, имеющее свои причины. Как правило, оно всплывает, когда что-то не то с нами начинает происходить, или, когда тупик перед нами, или, когда посещает нас чувство неуверенности, а туда ли мы идём?...

Как-то так... или ещё по какой иной причине... может, даже не осознаваемой нами, задумываемся мы о таких вещах. Но, определённо всё-таки можно заявить о наличии чего-то или кого-то, наводящего нас на такие размышления.

Вот и сейчас, «вдруг», Пётр Михайлович Игнатов стал вспоминать и анализировать те события, которые начали происходить с ним с энного времени. Что-то в нём вроде как заколебалось...

Вспомнил, как окончил он службу и вышел на пенсию. Ведь тогда он не собирался сидеть без дела дома. Крепкий, спортивный мужчина, волевой, доктор наук... всё говорило за то, чтобы продолжить работу где-то уже по гражданской линии. Но, Игнатов был большой привереда по части своих привязанностей и привычек. Рак по гороскопу, одним словом. Любитель чистой воды...

Как оказалось на деле, продолжить свою работу Петру Михайловичу было элементарно негде.

Но, оставались возможности смежных приложений. И, тут Игнатову поступило несколько приемлемых по тематике и достойных материально предложений. К одному из этих предложений он и склонился. Правда, предстояло ездить на работу из Подмоскovie в столицу, чего он сильно не хотел, не желая отдавать существенный отрезок жизни даже не просто так на ветер, а – во вред здоровью, однако ему был обещан свободный график с возможностью работы по месту жительства.

Человек предполагает, а Господь располагает. Смысл этой известной фразы Игнатов понял особенно, поскольку прочувствовал её реальность на собственной шее. Правда, к пониманию этому он пришёл не сразу, а по прошествию времени, осознав многое, что происходило с ним, и совсем с непривычной стороны.

Вот... и так случилось, что все «шикарные» планы по трудоустройству были поломаны случайным порезом ноги при плавании в реке с занесением инфекции, опасностью заражения крови, несколькими операциями под общим наркозом, медленным заживлением, обучением ходьбе по-новой, как малого ребёнка, так как травмированная нога «забыла», как надо ходить нормально, и требовалось вернуть «мышечную память» в прежнее, здоровое состояние.

Вот тут-то, в больнице нагляделся он на множество других пациентов больницы. Господи, кого там только не было! И конечности отрезали людям, и люди, непонятно как живущие с имеющимся у них страшным букетом болезней, включая рак, были.

Запомнился молодой парень-красавец с темноволосыми кудрями волос, без обеих ног, отрезанных под самый корень. Почти всегда Игнатов, шастая по коридорам больнички на костылях, видел его читающим. Время от времени парень этот, крепкий в верхнем поясе, скользил на каких-то пришитых к нему кожаных прокладках в туалет покурить. Никаких

душевных мук своего несчастья Игнатов на лице его не наблюдал. Парень продолжал жить и пытался жить интересно для себя.

И во многих других больных, гораздо более тяжко пострадавших по сравнению с ним, он увидел столько жизни, неукротимого оптимизма, что его случай показался ему просто чепухой. Ну, не чепухой, конечно, однако же...

И понялось Игнатову до всех его печёнок и селезёнок, до всей глубины души, человеку в общем-то никогда не жадному до денег и вещей, что важно в жизни совсем не то, что принято в современном обществе считать успешностью. И нужно в этой жизни человеку совсем немного... но и много – совсем с другой стороны.

Короче, выбросил из головы он все эти варианты нового трудоустройства, как бесполезное и вредное прожигание жизни, наплевал на «достойную» зарплату и стал жить поживать так, как считал нужным и достойным лично для себя.

Аааа... всё – фигня, кроме пчёл, ... а и пчёлы – фигня...

И даже пень в апрельский день...

А, занятие-то «достойное», нашлось само собой как бы. Уж больно заинтересовали его высшие тайны мироздания, Богоустройства. Человек, тот, что с большой буквы, заинтересовал Игнатова. В общем, сплошная гуманитарщина и мистика увлекли доктора технических наук.

Жена, иногда, когда он начинал при ней рассуждать на эти темы, крутила пальцем у виска ..., а он не обижался, только посмеивался, понимая её реакцию.

Толчок же этому интересу дали необычайные видения Игнатова, которые он стал записывать, обдумывать и опять записывать ход мысли и свои выводы. Что-то говорило ему, что это, может, и есть его главная задача, результаты решения которой следовало доводить до людей.

Вообще-то, если честно, наш Пётр Михайлович не жил, а блаженствовал. Не жизнь, а мечта, сказка.

Постепенно в голове у него сложилась собственная картина Божественного устройства Мира и даже самого Всеобщего Разума, как называл он Господа. Не сама по себе сложилась, как результат хитроумной выдумки; основное в этом сыграли необычайные, чудесные видения Игнатова. Книги писать об этом он начал и сбрасывать их в Интернет.

А тут ещё завертелось дело с «гвоздями распятия»*. И совсем интересно стало.

Примечание. В первой книге серии «Наследственность Бога» – «Мой пращур Иисус Христос?» рассказывается про обращение к Игнатову учёных из Московского генетического Центра по вопросу сотрудничества. Оказалось, что в Израиле, в древнем захоронении первосвященника Каиафы, сыгравшего зловещую роль в гибели Иисуса Христа, недавно найдены два ржавых старинных гвоздя, объявленных израильско-канадским учёным и кинодокументалистом Симоном Якубом гвоздями с распятия Иисуса Христа. Поразительно, чудесно и необъяснимо наукой, но... тайно от общественности проведённый генетический анализ останков телесной ткани и крови на гвоздях выявил полную идентичность мужского маркера гаплогруппы распятого человека мужскому маркеру Игнатова?! Как будто был распят его отец или родной дед?! Игнатов потратил большие интеллектуальные усилия, дабы найти основания, опровергающие версию Якуба... но... находил только доводы «за» эту версию. К тому же, Петру Михайловичу были посланы новые видения о событиях древнейших времён, связанных с «делом „священных гвоздей“»...

С Ковалёвым из московского генетического центра они сблизились, увидав друг в друге родственные души по части интереса к науке. В Ковалёве горела та же неистребимая жажда жить интересно. Правда, область его интересов сосредоточилась исключительно в генетике. Лихорадка возможностей генетики в связи с изучением Иисуса Христа и Его родни захватила Ковалёва. Рассказанные ему Петром Михайловичем некоторые свои видения вместе с интеллектуальными изысканиями убедили Ковалёва и в истинности «гвоздей распятия» Якубовича, и в необычности, даже в избранности Игнатова для какой-то миссии. Игнатов всё же не расстался со своими сомнениями.

А Ковалёв, видимо под влиянием этих событий и разговоров, стал склоняться к религиозности, что радовало Петра Михайловича, полагавшего, что даже «всего» один спасённый – это уже небесполезная жизнь его, Игнатова.

Когда же настало время подписать договор с международным центром генетики, Игнатов неожиданно отказался от этого. Хотя, собственно, договор был стандартным для западных трудовых отношений.

По договору Игнатов обязался предоставлять свой генетический материал, принимать участие в собственных интеллектуальных, психологических и иных не приносящих вред здо-

ровью исследованиях (тестированиях), передавал все свои права на использование, публикацию результатов исследований центру. Центр же обязался за это выплачивать ежемесячно вознаграждение в сумме семь тысяч долларов в любой валюте по текущему курсу, оплачивать все накладные расходы, связанные с выполнением договора.

Там ещё было много всяких условий и поощрений, но Пётр Михайлович увидел себя не свободной птицей, летящей, куда ей вздумается, а в рабстве.

– Ну, нет. Ни за какие коврижки! – решил он не продавать своей свободы. Хотя сомнения и раздирали.

На память приходило услужливо, что «свобода есть осознанная необходимость», что «свободу дают деньги» ... но, по большому счёту, необходимости в таких деньгах он не ощущал, а жёсткий поводок такой свободы виделся отчётливо и ощущался почти физически... шеей. «Заплати налоги и спи спокойно» – видно, это было не для него.

Супруга сказала Игнатову, что он дурак. Он с ней с готовностью согласился, потому как дураком себя не считал, а совсем даже наоборот...

Ковалёв со Зварским же сильно расстроились, поскольку такой договор был основой их отношений с этим международным центром. Ковалёв вообще впал в прострацию.

– Что же теперь? Конец всем нашим идеям и планам? – спросил он Петра Михайловича по телефону.

– Думаю, – нарезая ингредиенты для борща, на который он был мастер, и, прижимая трубку щекой к плечу, успокоил Игнатов, – что говорить об этом преждевременно. Но передавать все свои права на использование и публикацию результатов я определённо не буду.

– Мы уже сообщили в Центр о вашем решении. Они предлагают посетить их отделение в Лондоне, обсудить проблему, познакомиться с планами и утрясти каким-либо образом отношения с вами. Как вы к этому отнесётесь?

– Чего же от диалога отказываться? Почему не прокатиться в Лондон за чужой счёт?

На дворе же весна вовсю вступала в свои права. С утра – запах морозца, хруст тоненького льда на лужах, прозрачно-свежий воздух, наполненный ожиданием радости пробуждающейся жизни. Днём, под лучами с каждым днём всё более тёплого солнышка, всё смелее без спроса заглядывающего в окна – запах талого снега и земляной прели, шумное снование воробьёв и учащённый ток своей крови, зовущей вдохнуть весенний воздух полной грудью, расправить на свободе крылья, и побуждающей к любви. Хотелось, не имея слуха, начать обучаться игре на гитаре или найти ещё какое безумство себе по плечу.

А по плечу было всё...

– Ну, тогда мы согласуем сроки и всё такое?

– Ага ..., – и закулдыкал весьма немзыкально песню из старого советского кинофильма, – *«и даже пень в апрельский день берёзкой снова стать мечтает...»*.

Тем временем, в таинственной штаб-квартире

– Абрахамс! Вы понимаете, по какому вопросу я вас вызвал?

– Нет, шеф.

– Может, мне пора заменить вас на кого-нибудь посообразительнее, потолковее? Я говорю о программе «Ключи от рая».

– Я это понял, шеф. Но, что именно... вас интересует?

– Нет, это выходит за всякие рамки, – проскрипел «шеф», невысокий мужчина, внешность которого была так бесцветна, что единственно замечались лишь тонкие, время от времени кривившиеся губы. – Я говорю об отказе «Правнука» подписать договор. И я не понимаю, почему вы Абрахамс задаёте мне свои дурацкие вопросы и не думаете постоянно об этом! Вы, что! совсем не понимаете важности и ответственности этого дела?! Вам не понятно, какие силы заинтересованы в этом?! Или вы думаете, что безработица совсем не плохая вещь? ... Нет, уж. Увольнением с работы вы не отделаетесь. Да вас в пыль разотрут, и не только вас, но и всю вашу семейку. Да, плевать на вас! К сожалению и со мною поступят аналогично!

– Обижаете, шеф, – Абрахамс, черноволосый, короткостриженный мужчина с умными, карими навыкат глазами, выше среднего роста, чуть полноватый, импозантной внешности с улавливаемыми признаками еврейской нации, стоял почти что навтыжку перед шефом, сидящим в кресле за старым столом из красного дерева. – Мы уже сообщили «Правнуку» через московский Центр о приглашении посетить лабораторию в Лондоне для совместного знакомства и улаживания взаимоотношений. ... От учёных умников там будет сам доктор Грэвс, а от нас – нашим оком, мозгом и рукой будет Нерон; он неплохо внедрился в эту банду. ... Грэвс должен ослепить «Правнука» и сопровождающих его блестящими научными перспективами, глубиной замысла... ну, а Нерон должен разобраться в нашем «Правнуке». Что это за человек, какие мотивы им движут. Подобрать под него ключики. В перспективе – подружиться с ним. ... Нерон уже как неделю занимается изучением досье «Правнука» и использует другие каналы информации. Вы знаете, у него свои методы... не отрывая зада от кресла, выуживать интересные подробности о людях...

– Ну, хорошо, – подобрел шеф, – однако, я обращаю ваше внимание на некоторые вопросы, которые вы должны и сами понимать, но... важность их такова... Проект «Ключи от рая» – это стратегическая программа, рассчитанная не на годы и даже не на десятилетия, а на столетия и, может быть, и более. ... Силы, стоящие за нами, вечны. По крайней мере, они будут действовать всегда, пока существует человечество. Силы эти, в которых мы являемся лишь остриём, могут себе позволить смотреть так далеко вперёд. ... Потому торопясь, не торопитесь.

Главное, не испугнуть «Правнука», открыть постепенно только надводную часть айсберга. Даже мысль не должна ему прийти о наших дальних целях. ... Нам нужно его участие, но только, учтите это раз и навсегда – сугубо добровольное и с радостью, под пение его любимых песен. ... Кстати, с этим тоже предстоит нам разобраться. ... Мы должны знать всё, чем он дышит. Но, незаметно, ненавязчиво, дружелюбно. Поэтому, не форсируйте события. Не доводите ситуацию до того, что мы упруемся в стенку...

Кстати... Почему он отказался? Чем он мотивировал, и мотивировал ли вообще? Может, вознаграждение маленькое?

– Не знаю, насколько это соответствует действительности, но он, похоже, не хочет попадать ни от кого в зависимость. Станный тип...

– «Станный» – не то слово. Если бы не был странным, то им бы и не интересовались.

Да... насчёт денег. Ему готовы платить в сотни, в тысячи раз больше, но, пока... пока мы не разобрались в нём... большой суммой мы можем выдать нашу сверхзаинтересованность в нём. Это насторожит его и заставит задуматься о возможных направлениях работ. Вполне

возможно, что свой интеллект он наследовал от Него. Как бы он не пришёл самостоятельно к пониманию тех целей, которые преследуем мы. Если он наследовал от Него и жизненные принципы некоторые, то весьма тогда станет возможным, что он разорвёт с нами все отношения. ... Предложите ему, чтобы он сам назвал сумму.

В досье о нём говорится как о жизнелюбе, чуть ли не как об эпикурейце. Это очень хорошо. Должны найтись ходы к нему. Через удовольствия, которые мы ему незаметно предоставим. ... Отдых на Гавайях или где ещё, интересные места, люди, пища, вино, женщины, может быть ... Эх, подобрать бы ему бабёнку, которая бы влезла к нему в душу! ... Сначала через постель, а потом через, так сказать, общность интересов, родство душ, теплоту и ласку. ... Русские говорят – «доброе слово и кошке приятно»....

Но, умоляю! – только незаметно, чтобы нами там и не пахло. Он спорт любит – хорошо. Надо создать ему круг людей, с которыми он будет ощущать себя своим. Найдите ему подобных, лыжников, бегунов и так далее. Пусть приглашают его на тренировки куда-нибудь в Альпы... Ну, я не знаю, что ещё и как! Главное – затянуть его нашим образом жизни...

– Шеф, извините, что перебиваю вас. Но, нет ли в этом опасности другого рода? Наслаждения могут превратить любого человека в животное. У русских также есть выражение – «как бы не переборщить», то есть – не пересолить бы суп этими удовольствиями. Зачем нам тогда будет исследовать скотину?

– Всё-таки, не зря я вас держу рядом с собой, Абрахамс, – похвалил шеф, – это я тоже отметил бы непременно. Про моральную, так сказать, составляющую надо также не забывать. Во всём нужна мера. Подумайте сами над этим.

... Может, через попов или коммунистов подобраться к нему... И те, и другие – порождения Его, Христа. ... Подумайте...

Проинструктируйте людей. Особенно Грэвса. ... Да, да! ... Понимаю... Эти гении слишком высокого мнения о себе и не выносят никакого руководства собой... Сами подумайте, в какой форме всё это довести до Грэвса и других. Не зря же вы получаете отнюдь не маленькие деньги! ... Как бы Грэвс, как вы говорите, «не переборщил», не раскрылся бы излишне. ... Хотя и Грэвс не знает всего.

... Иногда меня посещают мысли, что и я много чего не знаю... Значит, так... Не будет получаться сейчас подписать договор, мы отступим... пока. Не будем настаивать. Ограничимся ни к чему не обязывающими научными контактами.

А что? ... Как это возвышенно и благородно! – тонкие губы «шэфа» чуть дёрнулись, изображая видимо саркастическую усмешку. – Наука в интересах человечности и человечества! Кстати, это может стать основной стратегией относительно «Правнука». Почему и нет?...

В конце концов, генетический материал всегда можно от него незаметно взять. ... Но, кроме этого нужны добровольные исследования его возможностей мозга. Вероятно и не только его, но и его близких. ... Поэтому – доверие и только доверие, никакого нажима на волю «Правнука», только на основах Христовой любви к ближнему, – дёрнулась опять улыбка змеи. – И ещё раз напоминаю... всё окружение «Правнука» также не должно догадываться о наших планах, о степени нашей заинтересованности им, и лучше – вообще не подозревать о нашем существовании. Пусть всё будет проходить в форме дружеского участия, или, ещё лучше – случайного знакомства симпатичных друг другу людей.

Это касается и тех, кого мы введём ему в окружение, и этих... московских генетиков. Все должны работать на нас! ... но! – вслепую.

В Лондоне. Первые впечатления

Непонятны были Игнатову все эти восторги нашей либераствующей российской публики по Англии и Лондону конкретно. ... Ах, Биг-Бен! ... Ах, Трафальгарская площадь! ... Ах, Букингемский дворец! ... Ооо! Её Величество Королева! ... Не видел он ни красоты, ни величия особого во всём этом. И «старой доброй Англией» даже не пахло. ... Негров, азиатов и арабов всяких навалом...

Может, конечно, в Петре Михайловиче сидела старинная вражда предков и всего русского народа к «туманному Альбиону», лживому, абсолютно эгоистичному и жестокому? ... Ну да... Сидеть-то она сидела, безусловно; историю никуда не выбросишь. Но, ведь и с немцами у нас были ещё ой-какие «неувязочки». Начиная с Александра Невского и кончая последней войной. Но, к немцам у Игнатова было уважительное и даже сострадательное отношение. Что им, что нам – крепко пришлось хлебнуть горяшка. А кто-то с этого нашего общего горя жил, и жил не плохо.

Самое яркое впечатление у Игнатова об Англии осталось от местного белого населения, исконных англосаксов. Правда поразили они его не своей тягой к свободе, не своей «самой древней в Европе» демократией... Игнатов совсем не чувствовал себя ангелом... но поразили они его степенью своей порочности. ... Столько пьяни! ... Все курят и пьют без перерыва, начиная от подростков любого пола до стариков. Татуировки... И обдолбанных наркотой хватает.

Пётр Михайлович, когда оказывался в незнакомой стране или местности, начинал всегда обшаривать методично окрестности, знакомясь с обычаями местных обитателей. Зашёл он и в лондонские забегаловки попробовать местного пивка и поглазеть. Смотришь, залезает такая вся перекосившаяся развалина, бабка с сизым носом и дымящейся сигаретиной, кряхтя, на табурет перед стойкой, и, прислонив к ней костыли, заказывает стакан спиртного... В общем, такого борделя и такого быдлчества он никогда не встречал.

Вспомнил Игнатов, как смеялся когда-то над словами, как он полагал тогда, несведущего Максима Максимовича из «Героя нашего времени» Лермонтова, когда Максим Максимович изрекал фразу, типа – «англичане... так они всегда были пьянь пьяню». ... Видно, Максим Максимович знал, что говорил... национальная традиция, так сказать... да-с.

Международный Центр генетики. Доктор Грэвс

Доктор Грэвс, на переговоры с которым и приехали русские, произвёл на них сильное впечатление. Для Зварского, Ковалёва и даже для Игнатова, профана в генетике, он был очевидным научным светилом.

Каждое научное светило обязано иметь сумасшедшие идеи, которые были бы непозволительными и чуть ли не аморальными своей парадоксальностью и дерзостью для простых смертных научных «муравьёв», которых за подобные мысли их же «братья» по науке быстро бы линчевали, сожгли, а пепел развеяли над океаном. Не понятно, много ли имел таких сумасшедших идей Грэвс, но одна – точно была.

«Светило» было ростом ниже среднего, худое, с непропорционально большой головой. Впрочем, возможно, это впечатление непропорциональности придавали ему его длинные, торчащие кверху белоснежные волосы, расширяющимся конусом произрастающие из гениальной головы. Грэвс был чрезвычайно энергичен; казалось, что электричество переполняло его, время от времени разряжаясь при движениях его тела, взгляде глаз и во время речи. Возраст его трудно было определить точно. Игнатов во всяком случае дал бы ему лет 65—70, но физически он выглядел очень и очень неплохо.

Как и положено, «светило» сопровождал «спутник» в виде переводчика, весёлого компанейского малого по фамилии Нагинский, польско-белорусского происхождения. Для Игнатова «малым» был любой приблизительно одного с ним возраста или моложе. Нагинский... которого Грэвс звал Майклом, а Игнатов – то Майклом, то Мишей... когда Грэвс не видел, мимолётной мимикой с элементами пародии довольно уморительно демонстрировал собственное отношение к произносимым Грэвсом пророчествам относительно перспектив работы.

Сначала Грэвс водил гостей по лаборатории, показывая её возможности и современное уникальное оборудование. По его словам, их организация имела более десятка аналогичных лабораторий по всему миру.

– Нам бы хотелось, – милостиво изрекло «светило», – чтобы наша совместная работа позволила таким же образом укомплектовать и вашу московскую лабораторию. Зварский с Ковалёвым были в лихорадочном ожидании счастья, охали и ахали, краснели и утирали платками пот, выступающий у них даже под кондиционерами. Игнатов, ни черта в этом не понимавший, был спокоен, как спящий слон после еды. Но, настало время и Игнатову наострить уши и подпасть под увлекательный, завораживающий каток научных мечтаний Грэвса.

– Уверен, что вы разделяете нашу убеждённость в наличии массы скрытых, чудесных возможностей каждого человека, – впечатывал слово за словом Грэвс. – Конечно, возможности эти разные. Но, есть и были люди, которые явно обладают или обладали такими чудесными возможностями. Я учёный и отвергаю всякую мистику. Сущность человека, его способности определяются его геномом. Естественно, образование и воспитание оказывают влияние на личность человека, но сущность его не меняют. Образование – всего лишь тонкая оболочка... малая часть всего программного обеспечения компьютера, под названием «человек».

Изучая геномы таких замечательных людей, сопоставляя их между собой, возможно понять назначение отдельных частей генома, понять, тем самым, как работают эти чудеса.

Работа эта не может принести сиюминутных плодов. Мы работаем на перспективу человечества, на десятилетия и столетия вперёд. ... Кто знает, может, мы и наши последователи тем самым серьёзно скорректируем судьбу человечества, спасём его, или, по крайней мере, серьёзно продлим его существование?! ... И вот... Мы начали по всему миру собирать геномы таких замечательных людей, живых или умерших, а также – их родственников. Таким образом мы набираем банк геномов для наших исследований.

– Вы зададитесь справедливо вопросом о возможном практическом приложении результатов нашей работы, – предвосхитил Грэвс вопрос Игнатова. – Да, такие исследования стоят очень и очень дорого, а результаты ожидаются нескоро. Наши финансисты и промышленники умеют считать деньги, а правительства – эти сборища бездарностей, способные лишь паразитировать на обществе! От государства денег не дождёшься. Но есть люди, которые имеют не только гигантские возможности, но и смотрящие в будущее!...

Денег на самом деле много, а тратятся они подчас бездарно... Так вот, вернёмся к практическим приложениям наших будущих результатов.

Медицина... продление жизни... Вы слышали несомненно о разных случаях самоизлечения или лечения других с использованием так называемых экстрасенсорных возможностей. Мы, европеиды, значительно утратили такие возможности. Вернее, не утратили, а придавили их, что ли, слоем жира. В Азии такой деградации нет. Посмотрите, какие они все поджарые, – хохотнул над своим юмором Грэвс. – Знаете ли вы, что в Африке есть племена, которые с помощью специальных заклинаний, танцев и пения излечивают смертельно больных людей? Причём, буквально на глазах. Мы и у них берём генный материал. Наша задача – через генетику выявить сущность таких механизмов излечения и использовать их на практике.

Ваш случай, – Грэвс обратился к Игнатову, – нам интересен личностью Иисуса Христа, совершившего столько невиданных чудес, сколько никто не совершал, – подняв указательный палец вверх, продолжало изрекать «светило». – В вас пока мы не наблюдаем никаких таких проявлений, но предполагаем их возможность. И серьёзнейшим указанием на такую возможность, можно сказать, чудом, является сохранение неизменной вашей гаплогруппы по мужской линии. Но в случайности такого рода и в принципиально необъяснимые чудеса я не верю. В этом есть какая-то закономерность.

В этот момент Нагинский бесцеремонно выставил кисть своей руки перед Грэвсом, постучав пальцем по своим часам.

– Спасибо, Майкл, – поблагодарил Грэвс. – Я увлекаюсь, – пояснил он, – и попросил потому напомнить Майкла о том, что мне пора улетать в Бразилию. ... Хорошо, что нам удалось встретиться. Было приятно познакомиться. Надеюсь на продолжение нашего знакомства... Вынужден извиниться, распрощаться и передать на руки Майклу... Он ведь не просто переводчик у нас. Его диссертация по мистическим техникам различных культов весьма интересна и очень живая. Так что он определённым образом в теме наших исследований. На нём и культурная программа для вас. Всё, что вас заинтересует – вы всё решите через него. Поговорите и об условиях совместной работы.

Грэвс встал, прощаясь, пожал руки и вышел.

Нагинский же повёл нас, как он клялся и божился, в настоящий тайский ресторан. Тайскую готовку из морепродуктов Игнатов обожал.

Нагинский не обманул. Был настоящий суп томьян, свежайшие креветки, мидии, рыба, пахнущая рыбой. Плюс крепкий туземный напиток, что-то среднее между хорошей чачей и настойкой «Охотничья». Смеялись, рассказывая анекдоты, и вообще разошлись... а потом пошли шляться по городу... и так пива захотелось...

Нагинский

Да, «водка без пива – деньги на ветер»...

На следующий день, приведя себя в порядок, позавтракав, компания «руссо туристо» вышла на улицу, где уже их поджидал в авто Нагинский, который был свеж, бодр и весел, как весенний скворец. Игнатов припомнил английское высказывание, что «настоящий джентльмен отличается от неджентльмена тем, что, даже когда он пьян, как бочка виски, от него не пахнет алкоголем».

Зварский с Ковалёвым быстро включились в работу. Их интересовало оборудование и методики. Они, видимо, в отличие от Игнатова, неплохо владели английским, что позволяло им без особых трудов общаться со своими коллегами.

Пётр Михайлович же заскучал.

К тому же голова начинала побаливать... Так у него всегда было после некоторых излишеств с алкоголем. Хотя, что это за излишества?... Вот в молодости... А сейчас, уже давно он понял бессмысленность выпивок лично для себя, поскольку алкоголь практически перестал оказывать на него действие в плане эйфории, а на следующий день, поближе к обеду, начинались головные боли даже от безделицы. Пить-то зачем тогда? Организм его, дошедший до этого же вывода, видимо, самостоятельно, скорректировал свою работу так, что после нескольких рюмок внутри Игнатова срабатывало «реле защиты» и включалось нежелание пить. Небольшое исключение из правила, в плане количества выпитого, наступало иногда в весёлой и приятной компании. Вообще же, Пётр Михайлович наш считал такую реакцию на алкоголь даром Господним. Уж очень много знакомых ему хороших людей стубило это пристрастие...

Убедившись, что они не нужны московским генетикам, Нагинский вместе с Игнатовым отошли в галерею, сплошь усаженную пальмами, розанами и другими деревьями, где удобно устроились в мягких креслах.

– Миша, насколько я понял – вы из Белоруссии... А здесь вы давно? – с удовольствием глядя на окружающую их зелёную благодать, спросил Пётр Михайлович вытянувшего ноги и развалившегося в кресле Нагинского, походившего на ленивого кота.

– Смотря что понимать под «здесь». Если – в Центре, то около двух лет; если – за пределами Белоруссии, то около двадцати, – с ленцой, как и подобает ленивому коту, извлёк из себя Нагинский.

Но, Игнатову, дабы избежать скуки, надобно было поговорить, поэтому он предпочёл не обращать внимания на ленивое состояние своей жертвы.

– Вы простите меня за любопытство, но я вообще люблю общаться с интересными людьми, узнавать, как оно бывает в жизни; если вам не хочется говорить на эту тему, то – не будем... но, как получилось, что вы... из Белоруссии... оказались здесь?

Говорить – не работать, видно всё же и Нагинский был не прочь поразглагольствовать.

– Нет, ничего неудобного. Даже наоборот. Вот я уже двадцать лет как уехал, говорю без акцента по-английски, обычаи их знаю. Они, если не знают, кто я, принимают меня за своего, но вот всё равно внутри себя я говорю «они». ... Моя славянская сущность отделяет меня от них... Тем более родился и вырос я в СССР. Это тоже кое-что. Осталась тоска по Белоруссии, охота поговорить с земляками и с людьми со схожим менталитетом. Думаю, что во многом я остался «совком». Но это только внутренне. Внешне я – органичная часть этого мира. ... Я ведь не был с тех пор на родине. ... А история моя обычная, ничего интересного... Закончил Белорусский Государственный институт, химический факультет. По специальности работал немного, потому как пришла «перестройка», распад СССР, безработица. Думаю, вы сами всё это проходили. Занимался чем придётся, даже торговал по мелкому. Об этом говорить действительно не хочется....

Не знаю, как так сложилось, но в Штатах всегда было много поляков и белорусов. И сейчас туда всё едут. ... Короче, списался я и созвонился со знакомыми, которые окопались там раньше меня. Они обещали устроить. Чем заниматься, я не интересовался; дело шло о выживании. Когда я туда приехал, то за что только не брался: дома ремонтировали мы, экспедитором работал, на фабрике мебельной работал.

Но, вот как-то объявился мой дальний родственник, он уже лет «сто» жил в Штатах, имел официальную психотерапевтическую практику, собственную маленькую клинику. Он взял меня к себе ассистентом. Спасибо ему, он надоумил меня получить здесь психологическое образование, помогал деньгами, знакомствами. ... С советским дипломом о высшем образовании никуда по профессии не устроишься... Для защиты степени магистра, написал диссертацию по теме мистических культов. Материал брал в основном из Интернета. Ничего такого особенного. Но, почему-то и каким-то образом благодаря этой диссертации на меня вышли из Центра. И вот я здесь.

– Ну, а делаете-то вы, Миша, здесь что? Продолжаете исследовать культы?

– Иногда... А в основном я просто зарабатываю деньги. Выполняю массу всякой работы. Безсистемной, как правило. Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что, – коротко хохотнул Нагинский.

– Странно это как-то. Брали вас за ваш интеллект, а используют не по назначению.

– Да, ничего странного... Вот вы видели рядом с Грэвсом дамочку, с голубыми, как у Мальвины волосами?

– Что-то не обратил внимания.

– Ну, не важно... Так вот эта самая Мальвина – секретарь Грэвса, ведёт его переписку, сама печатает, билеты покупает, кофе подаёт, бельё в прачечную сдаёт. Но, кроме того – она имеет учёную степень доктора наук. ... Вот так вот. ... Видимо, Грэвс считает, что любой, кто рядом с ним работает, хоть сантехник, должен иметь образование и интеллект.

– Вообще-то, не лишено смысла.

– Ну, и я об этом. А ещё, кроме всего прочего, начальству нравится, как я составляю отчёты о работе. Иногда мне кажется, что мой истинный дар – это сочинительство, писательская работа. Я очень вольно, почти литературно пишу свои отчёты, вставляю свои замечания о людях, о взаимоотношениях, имею наглость задаваться глупыми вопросами, анализировать и строить выводы даже по вопросам, в которых не являюсь специалистом.

– И обо мне напишите отчёт?

– А то! ... Ну не о вас, а о работе, связанной с вами.

– Ну и какие у вас впечатления?

– Ещё не сложились, рано что-то заявлять.

– А, вот мне показалось, что вы скептически смотрите на всю эту проблему, вернее, с юмором, чуть ли не с усмешкой.

– Пока, да, – Нагинский опять засмеялся, – это вы верно уловили. Но, и нельзя сказать, что она представляется мне полным бредом.

– А, ещё позвольте спросить... сомневаетесь вы в именно *этой* истории родословной Иисуса Христа, или ещё шире – в идее Грэвса через генетику выявить механику чуда?

– И в том, и в другом... Но, разве может ничтожный червь парить в облаках? – с явно показным самоуничижением, рассчитанным на понимающего зрителя, произнёс Нагинский.

Игнатов в свою очередь расхохотался, по достоинству оценив ход собеседника.

– И, ещё, – лукаво усмехнулся Нагинский, – Грэвс же говорил, что решение проблемы рассчитано чуть ли не на столетия... А, к тому времени, как говаривал Насреддин, либо ишак помрёт, либо – эмир помрёт. Во всяком случае, ни с Грэвса, ни с меня убогого ничего не спросишь. А, пока я получаю не только деньги от своей работы, но и удовольствие. ... Новые люди, новые страны... интересно.

– Да уж, – с пониманием поддержал его Игнатов.

– А, позвольте в свою очередь вас спросить, Пётр Михайлович, – хитро сощурил глаза Нагинский, – вы-то сами к этому, как относитесь?

– Так и сказал я вам. Чтобы вы сразу это впихнули в ваш отчёт, – улыбнулся Игнатов.

– Честное благородное, клянусь селезёнкой Грэвса, тайных ваших мыслей я не выдам.

– Да, какие там тайны... Шучу я, шучу... Вообще-то, сомневаться в научной идее – это моё естественное состояние. ... Собственно, ваше отношение есть абсолютно здравая реакция, и я несколько ей не удивлён. ... А, по отношению к идее Грэвса... думаю... хоть я, как и вы, не специалист... что рациональное зерно в этом есть. Но, думаю также, что никто, и даже Грэвс, близко пока не представляет себе всех подводных камней и всей глубины проблемы. ... А, по поводу родства с Иисусом Христом, то, скажу вам честно, когда я впервые услышал эту версию, то воспринял её бредом, нелепой шуткой, а потом – рассмеялся. Но, начав критически анализировать её, я нашёл в ней больше плюсов «за», чем «против». ... А, у вас-то – какие конкретные «против» этой версии?

– Ну, уж – не знаю, какие «плюсы» вы нашли? ... я-то вижу одни «минусы». Начиная с личности самого Якуба. Малый зарабатывает на сенсации... Нормальный ход... Я даже с симпатией отношусь к подобным людям. Смело, даже дерзко, масштабно и с фантазией... Но, уж больно объект у него не удачный... И, главное, не в первый раз... Кошунством религиозным попахивает. Да что там попахивает?! ... воняет! ... Вы, может, не знаете, но он ранее отыскал якобы захоронение так называемого «Святого семейства», среди которого был отец Христа, Иосиф, Дева Мария, Сам Иисус Христос, Мария Магдалина, которая по Якубу была женой Христа, их общий сын там был... и ещё кто-то из евангельских персонажей. Фильм снял об этом вместе с Кэмероном. Бабки заработал... Вы, знаете, Пётр Михайлович, я грешный человек, и к деньгам равнодушен, но у нас поляков при всей нежной любви к пенязам, как по-польски называются деньги, всё ещё живёт вера в Христа и преклонение перед Ним. ... Конечно, Якуб – еврей, иудей и ему начхать на христианские святыни, он зарабатывает на опровержении их...

– Вы знаете, Миша, – прервал Нагинского Игнатов, – мне всё больше вы нравитесь. Ведь я примерно тоже самое испытал, да и сейчас меня ещё немного грызёт червь сомнения. Я тоже – верующий. Правда, мою лично веру эта история не смущает. И почему её должен смутить поиск истины?! Но, я опасаясь навредить вере тех верующих, которые не могут отделить веру от религиозных догм, которые, вообще-то говоря, и сугубо между нами, верующими, – могут быть и ошибочными.

– Ошибка и слабость умных людей часто заключается в излишнем доверии своему уму, в переоценке его. Вот, Грэвс... Он ни секунды не сомневается в своей правоте. К чему я это говорю... Множество умнейших людей изучали жизнь Христа и в результате они пришли к определённым выводам. Не кажется ли вам, Пётр Михайлович, что вы можете впасть в традиционную ошибку умных людей?

– Всё время кажется, – понимающе кивнул Игнатов. Поэтому стараюсь всегда подвергать свои собственные мысли и выводы самому критическому анализу.

– Это хорошо, – после недолгого молчания изрёк Нагинский, и, вдруг весело вскинулся, – а ведь, с другой стороны, что можно сделать без уверенности в своих силах, в своём уме?! В конце концов, истина голосованием по большинству не выявляется. Сложно всё это... Но, всё-таки... какие такие плюсы вы видите в версии Якуба?

– Об этом сразу не расскажешь. Слишком долгий разговор. Может быть, со временем я более подробно познакомлю вас со своими выводами. Если же очень кратко, то можно отметить следующие моменты. ... Подлинность имеющихся в Церкви святых гвоздей – сильно под сомнением. И это – очень мягко сказано. ... Тоже самое можно сказать об известном всему

народу Истинном Кресте Иисуса Христа. Не выдерживает это никакой критики. ... Скажу больше... Место казни Христа и Его погребения не соответствует действительности.

– Нууу! – в осуждающем изумлении от такой самоуверенной глупости только и протянул Нагинский. Видно, эти чувства отразились и на его лице.

– Вот вам и «нууу»! – мгновенно вспыхнул Игнатов, не терпевший такого открытого сомнения в его собственном интеллекте. – Вы спросили – я отвечаю. ... А, раз традиционная версия представляется неправой, то иные версии имеют право на существование. ... В свою очередь, проанализировав версию Якуба, я, хоть и пытался всячески её топить, но в результате нашёл, что она очень и очень основательна.

– Грээээвс! – многозначительно и опять лукаво протянул Нагинский, видимо успевший отойти от своего изумления.

– Что Грэвс? – не понял сперва Игнатов. – Аааа... не слишком ли я полагаюсь на свой ум и свой анализ? – догадался он. – Уверен, в данном случае, что не слишком.

– Но ведь эта уверенность и может вас подвести. Как гласит один из законов Мэрфи: «всегда найдутся факты, подтверждающие любую теорию, и всегда найдутся факты, опровергающие любую теорию». Не выдаёте ли вы желаемое за действительное?

– Уж чего нет, того нет; мне как раз очень-таки хотелось разрушить версию Якуба. Но, не удалось. ... Скажу более... Моя уверенность основана не только на известных фактах и безупречной логике. Я видел нечто, неизвестное никому.

– Как это? Разве существуют такие документы тех времён? – вскинул брови Нагинский.

– Нет, это совсем иное. Мы с вами Миша знакомы очень недолго, и пока я не готов рассказать вам всего. Тут много интимного. И вы меня не знаете, поэтому можете понять меня неправильно. Можете подумать даже, что я спятил от всей этой истории с гвоздями.

– Все нестандартные люди и тем более, гении, воспринимаются серым большинством, как сумасшедшие. Так что, на этот счёт не опасайтесь – я так не подумаю и в дурдом вас не сдам... а серая масса во всех случаях будет считать вас психом, – пофилософствовал Нагинский. – Так что валяйте смело, колитесь.

– Спасибо, перспектива, нарисованная вами, успокаивает, – подыграл юмору собеседника Пётр Михайлович. – Дело в том, – заколебался он, и после недолгого молчания, видимо решившись, сообщил, – дело в том, что некоторые вещи из прошлого я увидел в видениях, которые я считаю откровением Господним. И откровения такие меня начали посещать задолго до истории с гвоздями Якуба.

Ни слова не произнёс ошарашенный Нагинский в ответ, только рот открыл, подняв брови над широко распахнувшимися карими глазами. И, непроизвольно отстранился от Игнатова так, как будто между ними выросла стена.

Мужчины молча посидели, переваривая разговор и уже не замечая окружающего их зелёного рая. Потом зашли за Зварским с Ковалёвым и отправились обедать.

Вестминстерское аббатство

На следующий день московские генетики опять в одиночестве продолжили работу в Центре, а Игнатов в сопровождении Нагинского решил посетить единственное мало-мальски интересное его место, Вестминстерское аббатство.

Привлекали в нём Петра Михайловича места захороненных там некоторых знаменитостей.

Отправились туда на метро до станции Вестминстер.

Лондонское метро понравилось. Светлые, широкие станции, по дизайну отличающиеся друг от друга. На вход в метро, подобно нашему, российскому метро с логотипом «М», указывают столбы с далеко видимым логотипом в виде красного кольца и поперечной синей полосы с надписью «Underground» (подземка). В принципе, похоже, как у нас в Москве: автоматические турникеты, билеты, которые надо прикладывать, эскалаторы.

Когда, пройдя входной турникет, Пётр Михайлович стал искать урну, чтобы выкинуть купленный ему Нагинским билет, тот остановил его, сказав, что билет понадобится при выходе, а, кроме того, по поездкам ходит контроль, и безбилетных пассажиров ждёт очень даже болезненный штраф. «Значит, зайцы у них есть, как и у нас», – сообразил Игнатов.

От этой мысли чужое метро стало ему как-то душевно ближе, роднее что ли.

Красные вагоны метро были симпатичными, а пути – с четырьмя рельсами – непривычными: два для колёс вагона, а другие два – с контактным электричеством.

Как поведал Нагинский, Лондонское метро – старейшее в мире; есть даже станции, построенные ещё во второй половине 19-го столетия. Сейчас они конечно перестроены.

Захоронения в аббатстве были в полу и стенах.

Видели полную скромного достоинства могильную плиту славного путешественника, исследователя Африки Давида Ливингстона, плиты Чарльза Дарвина, Майкла Фарадея, Резерфорда. Посмотрели также уголок поэтов и писателей, среди которых Игнатов читал в своё время лишь Диккенса и Киплинга.

Остановились у роскошного надгробия могилы Ньютона в нише стены с резной позолоченной аркой. Мраморный Ньютон полулежал то ли в древнеримской, то ли в древнегреческой одежде, опираясь локтем на четыре больших тома своих трудов. У ног его копошились два крылатых ангела, подчёркивая божественность дара Ньютона. Сверху, по центру, нависал большой шар, обозначая собой, может, то самое знаменитое яблоко или нашу планету. ... Скорее всего, всё-таки – планету, потому что сверху на шаре возлежал, видимо, сам Бог.

Толпа туристов с экскурсоводом остановилась у надгробия. Нагинский на ухо Петру Михайловичу пересказал упомянутые экскурсоводом слова о Ньюtone какого-то поэта: «*Природа и ее законы были укрыты тьмой, и Бог сказал: „Да будет Ньютон, да будет свет“*».

– Нет, Ньютон, безусловно – гений. Но как часто всё же меня поражают люди чрезмерно завышенной оценкой значимости науки вообще и своих собственных достижений в них, в частности, – уронил Игнатов.

– А что, вы свободны от этого? – съехидничал Нагинский.

– Да, нет, ловлю иногда себя на этом также. Но, в целом... мелочь всё это... Вот, посмотрел на Ньютона, опирающегося на свои книжки, и припомнился анекдот... Помирает старый профессор, лежит у себя в доме на кровати и думает, на что он потратил жизнь, зря он её прожил или нет? Смотрит на свои труды на книжной полке, вспоминает каждый и говорит себе: «Нет, это всё не то, всё пустое...». Дошёл до трёх больших томов и уж тоже решил махнуть на них рукой, и вдруг ... «А вот эти три тома единственно из всех пошли в дело». И вспомнил старый профессор, как затащил он в постель домработницу и для удобства подложил под неё эти тома.

Посмеявшись солоноватому мужскому юмору, ехидна Нагинский, наклонившись к уху Игнатова, проговорил:

– И не стыдно рассказывать такие вещи прямому потомку Иисуса Христа? И вы думаете после этого, я поверю в это родство? Да в ближайшем своём отчёте я опишу всё это и открою Грэвсу глаза на его заблуждение.

– Христу ничто человеческое было не чуждо, – сперва слегка смутившись, нашёлся всё же Игнатов, и, поняв, что Нагинский хохмит, рассмеялся вместе со своим спутником. – Хотя, если серьёзно, – продолжил он, – в то, что найдены гвозди от распятия моего предка, я теперь не сомневаюсь ни на йоту; а вот, что это был Иисус Христос или кто иной – у меня соотношение где-то 60 на 40 процентов. ... А нимба святости над собой я не чувствую совсем. Да и грехов за мной – масса. Потому, все подколы ваши, Миша, мимо кассы.

Нагинский скорчил кислую физиономию собственного бессилия, развёл руки, но, не выдержав серьёзности роли, прыснул.

– Да, Миша, а вы знаете, что Ньютон написал существенно больше трудов на богословские темы, чем на физические?

– Да, что-то такое слышал.

– Отношение Ньютона, кстати, и Фарадея к религии вполне ясно. Оба они одновременно и учёные, и верующие люди. ... Мне вот непонятно отношение Грэвса к религии. Что он? Верит ли в Бога? Как, по-вашему, Миша?

– Да, кто его знает? А вам-то что за печаль?

– Ну, как!? ... Это вам, верующему человеку я рассказал про свои откровения. А как об этом говорить атеисту?

– Да запросто. Просто, если он атеист, он будет объяснять эти ваши видения с сугубо научной позиции, как объективно существующий информационный обмен между неким Всеобщим Банком Информации и вами или ещё как-нибудь. Ведь в чудеса он верит, но считает, что они вполне объяснимы с точки зрения материальных законов мира. Я не исключаю, что он верит и в душу, но, опять же – как в некое сосредоточие неуничтожаемой информации. ... А, может, и вправду это так и есть? ... или в этом есть частица правды?

– Не вижу при такой постановке, – согласно кивнул Игнатов, – противоречий науки и религии. Собственно, у меня самого примерно такое представление и подход. Религиозный мир как ещё не познанное наукой, но подлежащее познанию... с помощью также и научных методов... По-моему, это разумно и обалденно интересно.

– Кстати, о научных методах и об интересном, – подхватил Нагинский. – Грэвс развернул серию натуральных экспериментов по изучению тайных возможностей человеческого организма. Для этого организовано кругосветное путешествие с посещением всяких таинственных мест и необычных людей. Я уже был в такой «кругосветке» ... Как вы говорите – «обалденно интересно». В ближайшие планы экспедиции входит Россия: мегалитические сооружения на севере и юге, изучение шаманизма, Аркаим. А, потом – весь мир в нашем распоряжении. Грэвс и вам предлагает поучаствовать в этом деле. Как?

От приглашения Нагинского примкнуть к научной экспедиции, в ходе которой под эгидой Центра удастся посетить массу интересных мест планеты, пообщаться с примечательными людьми, просто так отказаться Игнатов не мог. Он заколебался.

«Кругосветка»

Одно смущало Петра Михайловича, с чем и обратился он к Нагинскому.

– Я вот только за здоровье своё опасаюсь. Видите ли, Миша, свойство моего организма таково, что он нуждается в систематической спортивной подпитке и жизни по расписанию. Если я неделю не занимаюсь физически, то организм мой начинает рассыпаться, меня начинает ломать. И не знаю, сможет ли организм мой переносить длительное время пищу, не привычную мне?

– О чём вы говорите?! – отнёс сомнения Игнатова Нагинский, – вы просто не представляете себе, что представляют собой подобные экспедиции Центра... Вы думаете, подберётся компания, человек, эдак, до десяти, учёных и пойдут они с альпенштоками и огромными рюкзаками по горам и долам, а спать будут непременно в палатках, а питаться охотой и рыбалкой? Да? ... Ну, разве смогут так учёные? Они же сплошь ботаники! Ясное дело – нет. И это руководство прекрасно понимает. Поэтому во время экспедиции учёным создаётся всевозможный сервис, не уступающий, как правило, их привычным условиям. С учёными едет масса obsługi. И медики есть и даже повар. Передвигаемся на заранее арендованном транспорте, в основном. Ночуем в нормальных помещениях. Бывает, конечно, что и в полевых условиях, в палатке. Но это случается редко. А народу в экспедициях бывает очень много; я сам как-то принимал участие в экспедиции человек из восьмидесяти. Как правило, для перелётов экспедиции такого масштаба арендуется отдельный самолёт.

– Что-то много народу, бедлам какой-то... Так толпой и передвигаются все? Представляю... Впереди кто-то типа экскурсовода с табличкой или журналом в руке. Время от времени поднимает руку, кричит, созывая всю толпу. Жуть...

– Да, – засмеялся Нагинский, – милую картину вы нарисовали. Но, всё не так страшно. Непосредственно в контакт с исследуемым объектом входят лишь специалисты и учёные. А служба в основном остаётся на базе, в отеле или ещё где. Но всегда готова выдвинуться, если понадобится. Основное ядро всё же – это генетики, психологи. ... Потом... археологи, историки... В обязательном порядке обязательно есть физик, биолог, компьютерщики, прибористы.

Кстати о прибористах. Они не только параметры мозга измеряют, но вообще их интересует проявление всяких мистических энергий. Я в этом правда мало что понимаю... А для измерений параметров мозга используются специальные разработки, уникальные. Надеваете вы на себя обычную бейсболку, а она – не обычная... в неё вмонтированы датчики и целый компьютер, только незаметно. И начинает эта шапочка считывать работу вашего мозга и записывать себе в память. А, каково?

Игнатов с уважением закивал головой, Нагинский же продолжил:

– Потом... есть люди, которые могут осуществить качественную фото и киносъёмку. Есть даже люди, отвечающие за безопасность экспедиции. Есть и свой, как в советское время, культ-массовый сектор, что ли. Не только мячики и теннисные ракетки, нет, нет... и акваланги со всем оборудованием, если к тёплым морям едем. Транспорт, финансы... Вот и набирается толпа.

А передвигаться, куда интересно, можно и малой компанией... хоть и одному. Лишь бы связь была с экспедицией. Ну, ведь в маленькой кампании лучше, чем одному... Вот, если поедем, куда вы без меня один пойдёте, без переводчика и связующего звена экспедиции? Меня же лично к вам приписали.

– Так что? ... я теперь от вас Миша вовеки веков не отделаюсь?

– Не... ну, в туалет я вас одного отпускать буду. И спать с вами в одной постели не стану. Жить будете в отдельном номере или комнате. Всё по высшему разряду.

Вы ж будете не на подводной лодке, с которой никуда не денешься... Когда захочется, всегда можно прервать своё путешествие и вернуться домой одному. Ведь эта самая «кругосветка» у нас идёт непрерывно, постоянного состава никакого нет. Народ в экспедиции часто ротируется.

– Следите за моей мыслью, – продолжил искушения дьявол, в образе Каминского. – Мы сейчас разъедемся по домам, передохнём от впечатлений, повидаемся с близкими. ... А, скажем, недельки через две предлагаю рвануть в Аркаим. ... Там будет тёплая сухая осень... Кроссовки берите и бегайте в своё удовольствие. И велосипед я вам обещаю. А кроме того – речка, даже две речки рядом... Представляете, заводь, вёты ветви свои в реку уронили, рыбки плавают... и вы вместе с ними. Вода чистая, чистая, а над рекой утренний туман... Хорошо?

– Хорошо-то, хорошо... Только меня сам Аркаим не прельщает, чего мне-то там делать? Насколько я в курсе, там и смотреть особо нечего... Что там экспедиции делать? Раскопки проводить? Ну, так я не по этой части...

– Нуу... это вы напрасно... Мне так очень даже интересно побывать там. Будет ли ещё в жизни шанс побывать в Аркаиме?

Аркаим, надеюсь вы знаете, что это – недавно найденное древнейшее таинственное поселение из так называемой Страны Городов. Очень таинственное! Поселение по своей планировке уникальное, встречающееся только в этой Стране Городов. Так вот, расположено оно в Челябинской области. На посещение его уйдёт времени совсем немного. Масштабы мизерные и делать особо там нечего. Обещаю интересную, но краткую программу.

Потом... о поездке в Аркаим... Это же всё сакральные места!

А смысл лично для вас в следующем.

Известно, что в сакральных местах в человеке часто пробуждаются какие-то внутренние силы. Прибористы, поэтому, кроме замеров всяких там своих полей, будут исследовать также поведение мозга человека. В том числе – такого бестолкового, как я. Наденем для этого вам известные шапочки с приборами и проведём измерения до посещения объекта, во время посещения и после. А, вдруг, чего-то сработает? Может, и у вас сработает?

Поедет туда группа прибористов, от истории и археологии кто-то, плюс служба. Ну и я. Ну, как, соблазнил?

– Ладно, ладно... поедем.

– Что предлагаю я дальше? – продолжил воодушевлённо Нагинский...

От Аркаима до Красноярского Края, где живёт один знакомый шаман, всего два блошиных прыжка. Доедем мигом. А, там! ... Красота! ... К тому времени будет уже мороз и снег выпадет. Там очень рано зима приходит. На лыжах на охоту ходим... можете и так просто на лыжах кататься... Рыбу... во какую, – показал Нагинский руками не меньше метра, – половим. Дичинки, рыбки прямо с костра поедим... Олени... Да и сам шаман, доложу я вам... очень интересно. ... С дорогой у нас уйдёт на всё про всё дней десять-двенадцать... не более... Ну, как? Плохо?

– Ну, и змей же вы, Миша... Искусили, ничего не скажешь.

– Это ещё не все искушения... Есть предложение, передохнув после этого, поездить по местам, где установлены мегалитические сооружения. Египетские и американские пирамиды, наши краснодарские дольмены в окрестностях Геленджика.

– Не, не, не... Зимой до марта включительно я буду у себя, с семьёй... на лыжах кататься, напишу... Да и был я в Египте. А американские пирамиды я вообще не хочу смотреть... как-то не лежит у меня душа к этим цивилизациям мая и ацтеков... их кровавым культам. И климат там скверный... тропики... жарища и влажность обалденная... Довелось как-то раз побывать... больше не хочу.

– О'кей... поедем тогда в конце весны или начале лета в Геленджик. К тому времени моя эпопея с пирамидами закончится. А, о дальнейших планах поговорим после всего этого. ... По рукам?

– Да нет охоты особой в Геленджик ездить. ... Дольмены... не горю я чего-то, – заупирался Игнатов.

– А, теперь снова следите за моей мыслью, – и «ирод» Нагинский продолжил дальше искушать Петра Михайловича. – Под Геленджиком, где много этих самых дольменов, есть где покататься на роликовых лыжах, я узнавал... Народу в это время будет ещё не много... Море уже согреется... Поживём там в своё удовольствие, покатаемся, покупаемся... Посидим в кафешках, попьём хорошего винца. Меня лично тянет потанцевать с каким-нибудь симпатичным созданием женского пола... на лунную дорожку посмотреть на ночном море под шелест прибоя... крики чаек послушать... Плюс дело сделаем... Кстати, как вы относитесь к конным переходам?

– Не знаю. Как-то не приходилось. Но, вообще-то, любопытно...

– Дольмены там недалеко. Есть и специальные конные маршруты. Часок, другой на лошадях... Очень советую... Ну, ладно, подумайте...

Признаться, Игнатов особо не сопротивлялся уговорам. Самому захотелось.

У шефа

– Сэр! – Абрахамс с довольной физиономией предстал перед шефом. – Есть хорошие известия о «Правнуке».

– Что такое?

– Во-первых, у него определённо бывают сеансы мистической связи с Ним.

– Что за сеансы? С кем это «с ним»? – оторопел шеф, не войдя ещё в тему разговора.

– Шеф, под Ним я имел в виду, – Абрахамс устремил глаза в потолок, – Его! ... «Правнуку» посылаются какие-то видения о прошлом, о том, как вообще всё устроено.

– Насколько это достоверно? – взгляд шефа из «размазанного» стал пристальным. – И что это за видения?

– Мы установили аппаратуру, где только возможно. Каждое слово «Правнука» нам известно. Эта информация – из его собственных уст.

– Я не об этом. Вы разочаровываете меня Абрахамс. Мало ли кто, что о себе говорит. Насколько это соответствует действительности?

– Наши технические средства пока не в состоянии определять такого рода состояния или перехватывать мистическую информацию. Но, «Правнук» убеждён, что это – Откровения Господни.

– Абрахамс, давно ли вы ходили к причастию?

– Давненько. А что, сэр?

– А то, что я подумал, что, может быть вы стали атеистом, – произнёс шеф с издевательской усмешкой. – Если вы верите в Бога, то должны верить также в существование сатаны и его войска. Вы обязаны знать, что сатана хитёр и могущественен, что он часто предстаёт в виде ангелов и вообще рядится в святость. Вы также, если вы верующий христианин, должны знать, что дьявол может послать видения. Так ведь говорят ваши пасторы? Это – во-первых. А, во-вторых, вы слышали о миражах, о помрачении сознания? ... Нет, это не серьёзно!

– Думаю, шеф, что всё же – это серьёзно. «Правнук» имеет светлый ум большой аналитической силы, и его убеждённость не может быть на пустом месте. Пока мы не знаем ничего об этих видениях и не можем судить о них более определённо. Но, в книгах его описаны некоторые мистические ситуации, которые, похоже, были с ним. Я не говорю – «точно», я говорю – «похоже», поскольку учитываю возможность его литературной фантазии. Но, давайте подождём шеф. Думаю, со временем «Правнук» сообщит, что-то определённое о своих видениях. И ещё... С ним достигнута договорённость о постоянном мониторинге деятельности его мозга. Для него изготовлены различные головные уборы со встроенными датчиками и записью результатов в микросхему памяти. Он должен сообщать о примерном времени своих видений. Зная это время, мы можем анализировать результаты работы его мозга, шеф. Вдруг, мы что-то обнаружим?

– Хм, – протянул в раздумье шеф. – С одной стороны такая договорённость – это выглядит, как тактический успех. Но... вы же знаете, что человек, знающий, что он под наблюдением, ведёт себя зачастую не типично для себя, не естественно. Я предполагал, что нам удастся вести скрытый мониторинг. Как быть с этим? Как, кстати, «Правнук» согласился на такое ограничение своей свободы? Я так понял, что свобода личности во всех проявлениях для него чрезвычайно важна.

– Дело в том, сэр, что пока наши возможности не позволяют читать мысли с помощью аппаратуры. И когда мы сможем это? ... непонятно. Всё это понимает и «Правнук». Поэтому для него такой мониторинг не несёт никакого ограничения прав личности. Если не считать необходимости надевать специальную шапочку... Так что «Правнук» будет себя вести вполне естественно.

– Ну, а как выглядят эти самые видения? Что, перед ним наяву предстают люди и события, являются духи предков... Наполеон?

– Похоже, что это – сновидения, сэр.

– Сновидения?! ... Да мало ли бреда всякого снится людям? Вам, Абрахамс, что сны никогда не снились?

– Снились, сэр. Иногда весьма занимательные. Но я никогда не думал, что эти сны мои – откровение Господне. А «Правнук» так считает. Повторюсь, но, думаю, ему стоит доверять.

– Ну, ладно, – тонкие губы шефа недовольно скривились. – Подождём. А, что ещё вы хотели сообщить? Вы сказали – во-первых. Что – во-вторых?

– Дело в том, шеф, что во время его пребывания в Лондоне с ним произошли три инцидента, которые могли закончиться весьма печально для его жизни и здоровья, но он благополучно избежал несчастья. Можно приписать всё это счастливой случайности... либо ... – помощи Неба.

– Почему об этом вы не сообщили мне сразу? Что это за инциденты?

– Шеф, они произошли не одновременно. Поэтому, не сразу внимание наше было привлечено. Но, когда их накопилось целых три... мы задумались. А, происшествия были такими. – Абрахамс пожевал нижнюю губу и продолжил.

– Когда русские весело проводили время, они зашли в одно «нехорошее» место. Попить пиво захотели. Потом «Правнук» отошёл вместе с Нагинским в туалет. За ними зашло несколько афганцев из местной банды, как потом мы выяснили. Они начали наезжать на «Правнука», распознав в нём иностранца при деньгах. Это такие бандиты, что убьют и за десять евро. «Правнук» ничего не понял, он языка не знает, но Нагинский говорит, что в момент наивысшего напряжения, бандиты вдруг, как будто бы чего-то смертельно испугались, и бросились из туалета опрометью.

– Так... Что ещё?

– Идя по улице к Центру, он споткнулся, наступив на развязавшийся шнурок своего ботинка. В это время сверху упал с балкона тяжёлый ящик с цветами. И если бы он не споткнулся и не дёрнулся в сторону, то ящик бы попал в него. Этот случай уже не остался вне внимания «Правнука». Он перекрестился и про себя что-то прошептал, видимо молитву, опять крестясь.

– Вы выяснили, откуда прилетел ящик?

– Конечно, сэр. Но, ничего подозрительного. Семья как семья. И их не было в то время дома.

– Ну и третий случай?

– В метро, сэр. ... «Правнук» удержал на краю платформы метро перед идущим поездом мужчину, который то ли потерял равновесие, то ли захотел покончить счёты с жизнью.

– Ну и что, какая в том опасность для «Правнука»?

– Нагинский, у него фотографическая память... он позже восстановил и проанализировал ситуацию в своём текущем отчёте. По его словам выходит, что если бы «Правнук» не повернулся в определённый момент, то этот мужчина столкнул бы «Правнука» на рельсы под поезд.

– Тааак! – тонкие губы стали почти невидимы. – И вы, Абрахамс, преподносите это мне как хорошие новости?! ... Помощь свыше? ... Пусть так. Но, если это были не случайности?! Или не всё случайности?!

– Я проанализировал такую возможность, шеф. Вы человек неверующий, но я, как верующий человек, – ввернул Абрахамс в ответ на насмешку шефа о его понимании веры, – знаю, что многие невзгоды и опасности посылаются нам Господом в предупреждение. Но, Господь не попустил, чтобы несчастье случилось.

– Что вы несёте, Абрахамс?! По вашим словам, «Правнук» не придавал значения первому и последнему случаю, он не увидел попросту опасности. Что это за предупреждение?

– Это могло быть предупреждением не для «Правнука»...

– Кого же ещё?! ... Что? ... Вы намекаете? ... нас! имеете в виду?

– Не смогу вам определённо ответить, но моя обязанность предусмотреть все возможные варианты... Почему нет?

– Нет, это чёрт знает что! – привстал от возмущения шеф. – И вообще не вам судить, Абрахамс, верующий я или нет. Вы что подпали под влияние кальвинистов или, может, вообще – приняли ислам? Ведь это у них считается, что всё в мире совершается исключительно по воле Бога. Я же знаю, верю и уверен в наличии у человека свободы воли. И, это, зарубите себе на носу, Абрахамс, совсем не говорит о моём атеизме. Советую вам скорректировать свои религиозные представления, иначе я уволю вас, мне не нужны бездельники, считающие, что всё идёт по воле Божьей. Зарплату-то получаете вы, а не Бог!

Абрахамсу показалось даже, что лицо шефа слегка порозовело от возбуждения. Но, нет, видимо, это невероятное было лишь в воображении подвергшегося столь массивной ментальной атаке Абрахамса.

Минуту помолчав, видимо приходя в обычное своё эмоциональное состояние мороженой трески, шеф принял исходное положение в кресле и с издевательством и унижением протянул:

– Бог не лишает людей свободы воли никогда! Ещё раз зарубите это у себя на носу! – Помолчав немного, шеф продолжил, вдавливая каждое слово в мозг Абрахамса. – Ну, а, если... всё же это было не случайность, а дело свободной воли людей, то у меня вопрос... Кто организовал это? ... Кто?!

МИРЫ АРКАИМА



Загадки без ответов

От Челябинска до Аркаима недалеко, где-то километров 450. Часов семь езды на автобусе. Но экспедицию ждал заказанный ранее вертолёт, так что неудобства перемещения были сведены к минимуму.

Такой приезд для персонала музея-заповедника был событием нерядовым. Президент России лишь как-то к ним ещё прибывал по небу, о чём свидетельствовали фотографии в музее.

«Небожители» прилетели рано утром в понедельник.

Как пояснил Нагинский, понедельник у них не рабочий день, посетителей практически нет. День был выбран намеренно, чтобы спокойно провести требуемые измерения, на показания которых теоретически могли повлиять своими биополями экзальтированные посетители. Хотя и так время было осеннее, относительно прохладное, не более пятнадцати градусов днём, и народ шёл уже куда как меньше, чем весной и летом, когда популярностью пользовалось купание в местной речке.

Менеджеры экспедиции отработали свой хлеб насколько это было возможно, разведали заранее обстановку и провели работы по благоустройству. Провели, конечно, не своими руками, а, оплатив хорошо всё, что потребовалось.

На территории заповедника можно было остановиться либо в туристском варианте, со своими палатками, либо в стареньких вагончиках на двух человек, либо в гостинице «Музейная». Можно было также остановиться в деревне у местных жителей.

Обычно, чистотой и благоустройством посетителей музея не баловали. Видимо, из-за отсутствия штатов, полы мыли сами постояльцы, если уж им приходила фантазия пожить в чистоте. Но к нашему приезду номера в гостинице и некоторые вагончики были приведены в порядок. Была принесена даже посуда в виде графинов, бокалов и чашек с блюдами. Это вообще был невиданный для здешних мест сервис.

Столовая музея не прекратила работу в понедельник, а расстаралась, разнообразив обычное меню.

Несмотря на лучшие условия в гостинице, где была горячая вода и свой туалет, Игнатов решил разместиться в выбранном им вагончике, и один, без сокамерника. К природе ближе... В вагончике была масса чистого воздуха, не то, что в гостинице, где вентиляция была не предусмотрена изначально. Впрочем, в вагончиках было не так уж и дико; имелись электрические обогреватели и даже такой избыточный для Петра Михайловича сервис, как холодильник. К тому же, рассудил он, кто ему стал бы препятствовать помыться в душе гостиницы?

Аркаим расположен близ Оренбургской области, примерно на том же расстоянии от Оренбурга, что и Челябинска, только западнее и чуть южнее. Относительно Москвы здесь теплее, поскольку это – широта Липецка. Вокруг те самые оренбургские степи, где в своё время гулял атаман Емельян Пугачёв.

Пётр Михайлович вырос и жил всегда в лесистой местности, в степях никогда не был, и они ему были до сего дня как-то безразличны. Но, здесь, оказавшись в живой обстановке степи, почувствовался такооой! простор... что и сравнить его было не с чем. Особенно ощущалось это в одиночестве. Но, странно... находясь в одиночестве, одиночества не было.

В знойных пустынях, в Океане, на снежных пространствах нашего севера тоже простор. Но там простор наедине с самим собой соединяется с чувством опасности.

Здесь же – всюду жизнь: травы, птицы, сурки и более мелкие грызуны всюду; речка, как живая, струится и что-то нашёптывает сама себе. Жизнь ласкает и гладит тебя. Полное слияние с природой и полная безмятежность. Космос неба перемешался с космосом степи.

Позавтракав в столовой, сразу отправились на раскоп.

Вся экспедиция при этом надела свои измерительные шапочки, по виду обычные бейсболки.

На территории заповедника было несколько объектов, привлекающих внимание туристов: здание музея, реконструкции казачьей усадьбы и жилья людей каменного века, устроенные сотрудниками аллея менгиров и ими же выложенный из камней лабиринт. Но, это было всё лишь надстройкой к главному, самому таинственному и интересному, тому, что лишь и интересовало экспедицию – раскопам могильников в курганах и к так называемому «укреплённому поселению».

Почему «так называемому»? – Причин для Игнатова было несколько, но все вместе они объединялись одним – неясностью, что «это» было на самом деле. Археологи употребляли и выражение «укреплённое поселение», и город, и протогород.

Называли «это» также «сакральным объектом», где отправлялись древние культы.

Ещё есть мнение, что Аркаим представляет собой древнюю обсерваторию. В пользу этой версии приводится удивительное совпадение. Оказывается, английский Стоунхедж, также имеющий круговую форму, считающийся и сакральным объектом, и обсерваторией, расположен практически на одной широте с Аркаимом.

Связывали это место также с литьём бронзы и изготовлением изделий из неё, с гончарным производством.

Были «антинаучные версии», в одной из которых, замешались инопланетяне. По ещё одной подобной версии – отсюда происходил Заратустра.

Игнатов, как мы знаем, сначала отнёсся к идее посещения Аркаима отрицательно. Но давно известно, что интерес к чему-либо растёт с ростом знаний об этом. Пётр Михайлович зря время не терял и основательно обшарил Интернет. Главное, на что обратил Пётр Михайлович своё внимание – это научные публикации. А затем уж – всякая «псевдонаука» и «мистика». И к моменту приезда в Аркаим экспедиции, в Игнатове уже проснулся живой интерес исследователя неизвестного.

Что же было такого «эдакого» в Аркаиме, что разбудило воображение нашего доктора технических наук, да и не только его? Ведь Аркаим, несмотря на бытовые неудобства, всё же посещает множество людей. Зачем-то они едут?



Аэрофотосъёмка 1956 г.

Аркаим как археологический объект был открыт абсолютно случайно в 1987 году. Но это официальная дата открытия. В Интернете фигурирует военная аэрофотосъёмка Аркаима

1956 года, но в то время дальше фиксации самого факта нахождения какого-то рукотворного объекта дело не пошло.

При обычном же взгляде на местности невозможно было ничего подобного даже и представить.

А вот предлагаемая реконструкция внешнего вида Аркаима.

Надо сказать, что в научном осмыслении феномена Аркаима наиболее видную роль сыграл и продолжает играть археолог Г. Б. Зданович, яркая и неоднозначная личность.



Реконструкция внешнего вида Аркаима

Согласно его реконструкции, Аркаим был окружён рвом, заполненным водой. Внешняя стена была сделана из бревенчатого каркаса, середина которого была залита специальной смесью. Снаружи стена была облицована сырцовым кирпичём.

Непосредственно к стене примыкали жилища внешнего круга. Жилища отделялись друг от друга тонкими древесными перегородками.

Кольцевая улица отделяла жилища внешнего круга от внутренней стены, аналогичной внешней стене, с прилегающими к ней изнутри жилищами.

В центре Аркаима располагалась небольшая площадь.

Внутренняя кольцевая улица была застлана деревянным помостом, под которым находился ров, выполняющий роль ливневой канализации.

Видимо, со временем у Г. Б. Здановича представление о внешнем виде Аркаима расширилось. Он начал упоминать мощные башни и стену частокола сверху оборонительной стены, бойницы. Один из входов в Аркаим был ложным. Враг, не зная об этом, оказывался в узком проходе между стенами, из бойниц которых с обеих сторон нападающих осыпали стрелами защитники поселения.

Что бросилось в глаза и удивило прежде всего...

По данным радиоуглеродного анализа и экспертным оценкам Аркаим древнее Трои и возраст его – граница между 3-м и 2-м тысячелетием до нашей эры, или – начало 2-го тысячелетия д. н. э. И вот в такой древности на территории нашей Родины, оказывается, находились объекты, воплощавшие в себе высокий уровень человеческой, инженерной и градостроительной мысли!

Абсолютно очевидно, что Аркаим был построен по заранее разработанному плану и сразу. Это необычно, поскольку известные до того древние поселения строились постепенно и росли хаотически; вокруг первых домов-жилищ строились следующие, и так далее...

Поразительно, но при раскопках было найдено на удивление мало артефактов. Объяснение этому предложил Г. Б. Зданович; такая низкая плотность артефактов свойственна сакральным объектам, где мусор тщательно убирается.

Методом аэрофотосъёмки было обнаружено затем множество подобных Аркаиму круговых и других по форме окружённых стенами «укреплённых поселений». Были обнаружены

также поселения и без стен, «неукреплённые поселения». Весь этот комплекс поселений получил от Г. Б. Здановича условное наименование – «страна городов».

При раскопках рядом расположенных синхронных по времени могильников были обнаружены жители Аркаима, оказавшиеся европеоидами.

В могильниках в отдельных захоронениях оказались захороненными вместе с людьми и самые древние в мире, насколько известно на сегодня, колесницы, причём наблюдались колесницы с целиковыми колёсами и с колёсами со спицами, более лёгкие, т.е. наиболее технически совершенные. Обнаружены были также останки частей коней и целиком конские скелеты.

И сразу возникла версия – а не Арии ли это, народ воителей, покорявший пространство и народы на конных колесницах? В глазах народов, не знавших ни коней, ни колесниц, Арии представлялись могущественными богами.

Много вопросов возникло и при изучении жилищ Аркаима. Оказалось, что в каждом из них (правда, на сегодня раскопано лишь примерно половина пространства Аркаима, а не весь Аркаим) кроме обычных очагов для обогрева и приготовления пищи находились колодец и металлургическая печь для выплавки бронзы из руды. Правда, останков, достаточных для суждения о форме и конструкции печей, не было.

Непонятно, зачем столько много колодцев? Для питья людей это явный избыток...

Колодцы располагались почти вплотную к металлургическим печам. Но, внимание... был обнаружен разрушенный канал, соединяющий останки печи с колодцем...



Следы от рядом расположенных печи и колодца в одном из жилищ



Реконструкция металлургического комплекса печь-колодец

Нашлось оригинальное объяснение всех этих фактов, согласно которому, колодец и печь представляли единый металлургический комплекс без мехов для поддува воздуха.

Канал, их соединяющий, вместо мехов служил для образования сильной воздушной тяги, необходимой для образования высокой температуры в печи при плавлении руд.

В колодцах обнаружены кости животных – копыта, челюсти – указание на ритуал жертвоприношения. Эти находки косвенно подтверждают сакральную значимость Аркаима.

При раскопках могильников захоронения, артефакты, положенные с умершими, были весьма скромными. Не обнаружено признаков имущественного неравенства. Поэтому последовал вывод, что основной формой организации жителей «страны городов» была община. Такой догосударственный древний социализм или коммунизм, общество без государственных форм принуждения. Всё делалось добровольно, по согласию, совместным решением общины.

Раскопкам Аркаима предшествовали раскопки «укрепленного поселения» Синташта. Именно название этого поселения легло в термин «синташтинская культура», которая была отнесена к «стране городов». Одним из материальных признаков этой культуры считается керамическая посуда особой формы и с оригинальным орнаментом на ней.

Аркаим, по Г. Б. Здановичу, был сожжён дотла организовано покинувшими его жителями. Следов военных столкновений обнаружено не было. По оценкам Г. Б. Здановича время жизни Аркаима составило 150—200 лет.

Вот такие факты и такие выводы...

Но, до чего же характер противный у Игнатова! Ну, никак он на веру не хочет принять сказанное! Вот и с Аркаимом так...

Зная, что Аркаим был сожжён дотла, сразу зародился вопрос, откуда взялись подробности описания устройства Аркаима? Наверное, всё-таки что-то сохранилось? Или по количеству пепла, по направлениям его залегания можно судить об этом? Во всяком случае, нужны фотографии и расчёты. Или, хотя бы упоминание о них. Но, перешерстив всю возможную научную и научно-популярную литературу, Пётр Михайлович ничего не нашёл.

Зато нашёл многое другое, в том числе, много интересных частных, различных трактовок, а также – критику концепции и методов Здановича Г. Б. Надо сказать, что по ряду позиций слово методы следовало бы взять в кавычки, ибо к науке это мало имело отношения. Кстати, из этой самой критики следовало, что руководителем раскопок Аркаима Здановичем Г. Б. был сдан *всего лишь один* научный отчёт спустя года два после начала раскопок.

Оказывается, вопросами, откуда взял Зданович Г. Б. детали своей концепции, задавались даже бывшие его сотрудники!

Прежде всего, вызывает сомнение значимость Аркаима как военного объекта, некоей крепости.

По словам бывшего сотрудника Г. Б. Здановича Ф. Н. Петрова, не было обнаружено никаких следов мощных древесных конструкций и специальной внутренней заливки стен, о чём говорил Г. Б. Зданович. По-видимому, стены Аркаима представляли собой относительно невысокий насыпной земляной вал. Абсолютно непонятно, откуда взялись мощные стены, частокол с бойницами и башни?

Военное значение рва вокруг внешних стен также ничтожно, поскольку его ширина не превышала 2.5 – 3-х метров. Вообще ширина рва была очень неравномерна. Глубина его также невелика. Всё это очевидно даже из картинки реконструкции внешнего вида Аркаима. Завалить ров и перескочить через него не составляло никакого труда. Впрочем, вряд ли и это потребовалось делать; практически ничего не мешало ворваться в Аркаим через входы в его внешней стене, сметя лёгкие заграждения и не замочив ног.

Скорее всего, внешняя стена Аркаима была отсыпана из материала рва и была неравномерной по высоте и толщине.

Вообще, в лесостепи или степи дерево представляет большую ценность, которая должна расходоваться очень бережно.

И ещё одно соображение, высказанное Петровым Ф. Н. ... Все известные военные объекты, крепости, замки, возводятся на возвышенном месте, а Аркаим и другие поселения «страны городов» располагались в низинах.

Ну, хорошо... отсутствие мусора объясняется тщательной уборкой внутри Аркаима. Но, куда-то этот мусор должен был всё-таки ссыпаться?! Ф. Н. Петров говорит, что *любое* поселение характеризуется мусорниками или их называют зольниками, потому что основой мусора является зола очагов. Местоположение зольников легко читается на местности. Если Аркаим тщательно прибирался, то зола должна была сгружаться вне его стен, но зольников обнаружено и за стенами не было. А, принимая во внимание многочисленность печей в Аркаиме, золы здесь должно быть много.

Г. Б. Зданович, учитывая этот факт, выдвинул предположение о краткосрочном, сезонном использовании Аркаима. При этом, люди, посещающие Аркаим, должны были основное время жить в рядом расположенных поселениях. Поселения такие имелись действительно, но вот интересная деталь, разрушающая эту версию... Немногочисленные осколки керамической посуды, найденные в Аркаиме и Синташте, носили характерные черты, благодаря чему эта керамика получила название «синтакштинской». Так вот, в ближайших поселениях не было найдено «синтакштинской» керамики, хотя другая керамика – присутствовала.

Также, не вынесла проверкой практикой версия металлургического комплекса печь-колодец. Сейчас в Аркаиме посетителям демонстрируется плавка в этом комплексе, но примечательно, что к этому комплексу присоединили воздуходувные меха. Без них плавка не пошла. Нет никакой особой тяги воздуха из колодца.

Что же за народ такой таинственный был в Аркаиме и «стране городов»? ... Арии? ... Может, и Арии. Но, кто только не говорит об Ариях, а – кто это такие, эти Арии конкретно? что за народ? откуда он взялся и куда делся? кто его предки? ... И тут мы видим массу различных мнений представителей различных наук.

Одних версий происхождения слова Арии – и то трудно сосчитать.

Так, Ариями называют часть народов индоевропейской общности. ... Но, между Индией и Европой живёт масса народов. Это всё индоевропейцы? И, какая всё же часть индоевропейцев относится к Ариям?

Ариями называют и народы индоиранской языковой группы. – Интересно, кто слышал разговор древних Ариев или видел их письма? И ещё... Разве не известно массы случаев ассимиляции, когда народы заимствовали язык другой, более сильной нации. С точно таким же успехом англичанами можно назвать негров, живущих в США.

Масса попыток имеется привязать Ариев к какой-нибудь из известных археологических культур: ямной, катакомбной, андроновской, срубной, трипольской и т. д. А основными признаками археологических культур являются материальные предметы, производимые в рамках конкретной культуры: жилища, посуда, орудия. Также признаком является способ захоронения.

Есть, конечно, во всём этом определённый смысл. Особенно, если бы не было контактов между народами различных культур, если бы не было грандиозных волн переселения народов. Ведь и материальные объекты, и обычаи заимствуются различными народами. ... Вот в наше время интеграционные процессы достигли таких размеров, что у всех имеются одинаковые предметы и большей частью – китайские; и хоронят двумя способами (умершего – непосредственно в землю, или – сначала в крематорий, а потом – в землю). Но нам же не придёт в голову говорить о едином народе нашей планеты (это, конечно – китайцы) ... или о двух народах (по способам захоронения)?!

Язык, географическое место обитания, материальные признаки культуры, обычаи – всё это, безусловно, характеризуют некую человеческую общность, некий народ. Но, всё же – это признаки вторичные.

А, вот генный состав общности – это прямой её признак. Именно генетические методы способны расшифровать родословные народов во времени.

Но и здесь не всё так просто и однозначно. Народ может быть составлен из существенно разных генотипов. Это Пётр Михайлович понял уже на примере евреев. Поэтому и Арии могут представлять собой совокупность очень разных генотипов. Процессы эти уходят очень далеко в прошлое. Но, принципиально, временной срез генотипов может быть получен и отслежен в своём движении в пространстве и времени. Правда для этого требуется делать много презентативных измерений.

Игнатов, читая научные публикации по проблеме Аркаима, искал ссылки на генетические исследования, но не нашёл.

Видимо, сказалось непримиримое отношение между различными науками и их методами. Всё это было понятно Петру Михайловичу, который не раз наблюдал войну между различными группами и группками, которых интересовала не столько научная истина, сколько собственная правота в глазах общества.

Однако, видимо, генетики всё же как-то подключались к проблеме Аркаима, т.к. имеются материалы вне археологии, говорящие о населении Аркаима, как имеющем «арийскую» гаплогруппу R1a1.

Самые древние ссылки на Ариев имеются в индийских Ведах, и именно индийским высшим кастам кшатриям и брахманам приписывается арийское происхождение. Именно среди этих каст наиболее распространена в Индии гаплогруппа R1a1. ... Но, имеется она и среди низших рас.

Вообще R1a1, как выявили генетики, присутствует чуть ли не у всех народов Евразии. На Ближнем Востоке, у евреев (левитов) также она была широко представлена. Даже в Японии, особенно на её севере, у айнов она имеется.

Интересно, что у киргизов одна из самых высоких частот встречаемости R1a1 (63%). Больше, чем у любого славянского народа! И это при их яркой монголоидной внешности! Вероятно, что когда-то войны с гаплогруппой R1a1 поубивали почти всех мужчин монголоидов, а затем взяли в жёны или изнасиловали оставшихся женщин. С течением времени незначительный численно европейский фенотип растворился в монголоидном... так и образовались киргизы.

Пётр Михайлович терпеть не мог политиков, которые, по его мнению, занимались разделением и сраиванием народов или отдельных социальных групп в одном народе. А, проблема Ариев настолько очевидно политизирована, что подозрения в предвзятости вызывали любые выводы по этой проблеме.

Сколько только научных версий существует о происхождении и путях миграций Ариев! И в каждой такой версии был свой политический контекст.

Кто-то выводил родину Ариев из Украины и Южной России, кто-то из Ирана, кто-то с Балкан, Южной Сибири или Урала. Была и убедительная версия о происхождении R1a1 из Индии. Гитлер, когда ещё не знали ни о какой генетике, фактически поддерживал версию об арийской гаплогруппе R1b и её корнях из Западной и Северной Европы. К чему всё это привело, забыть трудно. Разбираться со всеми этими версиями Игнатов не хотел, да и возможности такой не было.

Наиболее интересными для Игнатова были выловленные им данные о возрасте R1a1 в различных регионах Евразии. По данным генетиков выходило, что наиболее древнее происхождение эта гаплогруппа имеет в Пакистане – 12600 – 18600 лет (средн. 15600). Далее –

Оман – 9600 -15400 лет (средн.12500), Западная Евразия – 10300 – 15300 лет (средн. 12500), Центральная Азия – 6200 – 16200 лет (средн.11200), Турция – 7400 – 12600 лет (средн. 10000), Греция – 6500 – 12100 лет (средн. 9300). ... У киргизов такие же древние R1a1, как в Индии и Европе?!...

Но, может, и в этих данных была своя политика? Как-то акценты поменяны? Пётр Михайлович так и не переставал сомневаться.

Но, всё же из этих данных следовало, что родиной R1a1 был Пакистан. И тогда трудно говорить об арийском вторжении в Индию, как о чужеродном элементе. Но, даже не это главное ... Из этих данных видно, что R1a1 сформировалась и распространилась на территории Евразии за очень многие тысячелетия до так называемого вторжения в Индию Ариев! ... Может, и вторжения никакого не было? Или вторгались родственные народы той же гаплогруппы R1a1, но мутировавшие за тысячелетия уже довольно далеко? Или это было вторжение народов другой гаплогруппы, например – R1b?

По идее, чтобы абсолютно точно идентифицировать Ариев, необходимо точно знать события той поры и найти соответствующие захоронения. Понятно, что это вряд ли разрешимая задача.

Литейщики Бронзового Века

Старый ведьмак и его внук

Меранг, старейший в своей большой семье и ведьмак, знавший тайное и имеющий силу общаться с богами и духами, вышел на апрельское солнышко погреть свои старые, но крепкие ещё кости, вместе с маленьким внучонком своим Киршем.

Оба были одеты одинаково. Поверх портов и длинной, ниже колен, рубахи из грубого конопляного полотна* серовато-желтоватого цвета, были накинута короткие овчинные душегреи. На головах – колпаки из валяной овечьей шерсти, а на ногах – обутка из сыромятной кожи, по низу обшита грубой бычьей шкурой, по верху прихваченная обмотанными вокруг ног тонкими ремешками.

– Ну, вот и Веста пришла, добрую весть принесла, что Жива возвращается, а Мара** уходит, – подставив лицо своё тёплому свету, проронил Меранг.

*Примечание**. – Среди исследованных органических останков в «стране городов» были найдены останки конопли. Одно из древних применений конопли – изготовление ткани.

*Примечание***. – Веста, Жива и Мара – богини, представительницы пантеона богов древних славян. Весту некоторые сегодня понимают как Весну, но её роль шире. Веста – от слова «весть», это богиня – вестница, передатчица знаний. Жива – животворящее начало, а Мара – её антипод. Упоминание этих древнеславянских богинь Мерангом не означает кровного славянского родства жителей Аркаима и «страны городов», поскольку многие факты говорят о смешанном составе жителей. Однако, малочисленные генетические исследования останков, говорят о наличии жителей с гаплогруппой R1a, к которой принадлежат и славяне. Также, следует учесть, что верования имеют глубокие исторические корни и могут быть заимствованы народами.

– Дедко, где она? покажи, покажи, – затеребил руку Меранга Кирш.

– Не всякому и редко когда она является пред очами. Но, как только починает таять снег, веселее кричат птицы, када лешаки начинают ворочаться с бока на бок в лесу, мы знаем, что Веста идёт. Када земля споро начинает освобождаться от снега и бегут в оврагах бурные ручьи, када воздух наполняется запахом прошлогодней прели и вылазят первые подснежники, тада мы знаем, что Жива уже пришла и начинает прибирать Мать Сыру Землю.

– Дедко, а ты сам её видел?

– Люди не видят мира, в коем живут боги и духи, потому ни Весты, ни Живы, ни Мары оком я не зрел... но слышал их многожды...

– А чего они тебе говорили?

– Разное. Вот наемдни Веста сказала, что люду пора готовить снасть для копанья медяных камней. И твой отец, и я, и весь наш род издревле знаем тайность медяных камней*. И тебе приспела пора помогать нам и узнавать тайность. Ты уже стал большим.

– Дедко, а ты мне сейчас скажешь тайное слово и я всё-всё буду знать и уметь, буду уметь лить медь***?

*Примечание** – Меранг медяными камнями называет медесодержащие минералы.

*Примечание*** – Чистая медь в природе тогда встречалась гораздо чаще, чем сегодня, и её также плавил и делали из неё различные предметы. Но, чистая медь – очень мягкий металл, мало пригодный для изготовления инструмента и орудий труда. Большей частью,

продукт медного литья в Бронзовом Веке представлял собой сплав различных металлов (в зависимости от наличия примесей медесодержащей руды или добавок при плавке). Сегодня все эти сплавы объединяются наименованием «бронза». Сначала повсеместно была распространена т.н. мышьяковистая бронза (имеющая значительное содержание мышьяка). Мышьяк при определённых количествах придавал бронзе твёрдость, нужную для орудий, но пары мышьяка при плавлении бронзы были очень вредны для здоровья. Затем мышьяковистая бронза была вытеснена оловянистой. Очевидно, Меранг в вопросах металлургии руководствовался понятиями и образами своего времени, среди которых не было место понятию «химический элемент». Древние металлурги в глазах людей и в собственных глазах были владельцами тайных знаний, ведали секреты и заговоры, т.е. были ведьмаками, как и Меранг. Видимо, и понятия «бронза» для людей того времени не существовало; было понятие «медь с разными свойствами».

– Враз всему не научишься. И силу надо постепенно набрать. Пока в тебе силы мало. Будешь узнавать и учиться помаленьку, чтобы по силам тебе было.

– Деда, а я воем* ещё хочу стать, таким как Вылкобый... А он медь тоже льёт?

– Вылкобый – добрый вой, во многие походы ходил. И на нашей земле приходилось врага отражать ему. Но, медь он лить не может. Не дана ему мудрость энта богами. Таких воев, как Вылкобый, в нашем народе премного, а нас, знающих тайну литья медяного, много меньше воев. И нас вое хоронят и боронют, а не мы их. Потому как, каждый из нас дороже многих воев для люда Рода**.

Примечание*. – Вой – воин.

Примечание**. – Род – один из верховных богов древних славян.

Наша земля раскинулась далёко. Наш народ многочислен, как песок, и могуч, как медведь. Наши стада растут и народ наш множится. Ширится и земля наша. Ежели ехать на коне в сторону, куда садится солнце, то смена луны пройдёт, может и более того, а ты будешь всё ехать и ехать, и всё енто будет земля народа нашего, нашего дружества* племён.

Ежели дальше поедешь, то несколько лун** будешь ехать по землям племён, родственным нам, говорящим на языке нашем. Но енти племена не так сильны против нашего дружества родинов. А, чужие, ближние к нам племена ещё слабее нас. А, знашь почему?

– Потому как наши вое самые сильные и хоробрые, да?

– Да. Но, отчего они самые сильные, ты не знашь... Сила их в наших богах, кои помогают нам. Наши боги научили наших предков укрощать и приручать диких коней, научили водить их под седлом и в упряжи. Научили деять повозки на колёсах, которые мы нагружаем нужным нам и перевозим их хоть на край земли нашими конями. Наши боевые колесницы, которые деять нас такоже научили боги, мигом переносят наших воев по степям и пустыням, заставляя трепетать наших врагов и чуждые народы. Боги нас научили лить медь и деять из неё секиры, мечи, ножи и наконечники для стрел наших лучников. И без энтото оружия, даже такой храбрый вой, как Вылкобый, ничего не смог бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.